

Андрей Пушкин

Два города

Андрей Пушков

Два города

«Автор»

2026

Пушков А.

Два города / А. Пушков — «Автор», 2026

Между двумя вечными городами — Угольным и Серебряным — не прекращается война. Там, куда попадают после смерти, герой ищет своё место и своих, пытаясь собрать смысл заново — уже в новом статусе и новой реальности. В этом пути он встречает любовь, которую когда-то знал на земле: улыбку, что прежде спасала его. И только обретя её, он находит ответ, как жить дальше, когда оба города объявили тебе войну.

© Пушков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Сцена 1. Прибытие	6
Сцена 2. Серебряный город	7
Сцена 3. Арок	8
Сцена 4. Калон	9
Сцена 5. Кали	11
Сцена 6. Трагедия Арока	12
Сцена 7. Открывая дверь	13
Сцена 8. Первый бой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Два города

Содержание

Сцена 1. Прибытие

Вот и все — это мой конец. Такой ранний, как первый луч солнца на горизонте, он никогда не касается земли. Передо мной мелькали образы и сцены жизни, которую я прожил и которую желал. Все перемешалось. Незаметно для себя я очутился на дубовом стуле, таком большом, что ноги не доставали до пола. Передо мной стояла фигура. Он был одновременно ужасен, как кошмар, и прекрасен, и к нему тянулась моя душа. Он высокорослый, но сутулился под широкими плечами, а руки казались необычайно длинными и заканчивались когтями. Он издал гортанный звук и быстро приблизился ко мне, заставив вжаться в спинку стула.

— Ты прошел путь, но не слишком длинный, — сказал он, рассматривая меня.

— Отчего я не могу подняться? — мой голос звучал слабо, словно я прилип к стулу.

— А ты интересен, глубок и бескрайний, но это не дало ничего? — Я молчал, а он после паузы продолжил. — Твой дальнейший путь еще не определен.

— Предпочту решать сам, — резко ответил я ему, хотя чувствовал, как все мое существо дрожит.

— Это предстоит решить мне, — с холодной улыбкой произнес он.

— Так ты судья! — осознал я.

— Души твоей! Твое тело умерло. Не переживай, оно снова будет у тебя, — он заносил меч и тут же бросал щит надежды.

— Я многое хотел, — во мне что-то грызлось, и я не все понимал.

— Ты врешь! Ты до сих пор желаешь, в любом случае это не конец. — Его лик ужаса смеялся, а второй грустил.

— Тогда почему ты не заставляешь меня вспомнить? — Мне бы и самому хотелось вспомнить, но не все...

— В этом нет нужды, вся твоя жизнь у меня на ладони. — Он протянул руку ко мне. — И там, за дверью, ты забудешь, что когда-то был человеком.

— Раз ты все решил, почему мы ведем эту беседу? — Он склонился надо мной после этих слов.

— Мне было любопытно, — он снова выпрямился, насколько это вообще у него получалось.

— Почему ты выбрал то, что выбрал? — спросил я, а он лишь улыбнулся на мой вопрос.

— Вера, — произнес он, вытянув руку в сторону двери, и добавил: — А теперь ступай.

Я направился к двери. Она была деревянной и обита железными пластинами на заклепках. Я докоснулся до засова и обернулся; судья все так же стоял там.

— Смелее, время беседы прошло, — сказал он, делая рукою торопящий жест.

— Но мне даже не известно имени моего собеседника, — он забыл о спешке после моих слов и, как мне показалось, задумался.

— Плохой тон? — наконец предположил он после паузы.

— Верно, — он поднес руку к подбородку, словно философ, и на миг мне показалось, что свет преобладал в нем над тьмой.

— Риан — мое имя, так меня зовут. Я кивнул, а он улыбнулся.

— Эйрил, — представился я, хоть в этом не было нужды.

Дверь передо мной была массивной. Я открыл засов. Она распахнулась, и меня обдало нечем, но точно не ветром. Я пропал в пустоте и не ощущал хода времени. Я задумался и, словно живописец, начал рисовать мир. Стал видеть каждый его мазок, все больше уточнял и сглаживал, добавляя оттенков света и тени. Мир строился на глазах, и я не спеша входил в него.

Сцена 2. Серебряный город

У ворот меня поприветствовали стражи; их было двое: мужчина и женщина. Их доспехи были из серебра, а на спинах располагались крылья из света. В ножнах — мечи. Над воротами была вырезана фраза: «Оставь прошлое, впереди вечность». Я прочитал её вслух. Стражи переглянулись, но ничего не сказали. Мужчина достал рожок и издал звук, пробирающий до костей. Следом ворота открылись, и меня пропустили в серебряный город.

От Риана я ушёл уже с телом и снова мог всё ощущать; душа не была обнажена, и это дарило определённый покой, привязанной привычки. Как я понял позже, здесь каждый мог заглянуть в душу. Большое мастерство заключалось в том, чтобы даже в этом месте показывать только то, что ты сочтёшь нужным. Старое человеческое здесь всеми отвергалось; все с радостью или даже не замечая этого принимали новую данность бытия. Многие бы это назвали покоем, и многие в этом состоянии и оставались. Но были и другие, в том числе и я. Я ничего не забыл, я знал своё «Я» и считал величайшим грехом забыть себя. И пока все словно луна-тили по райским садам, я изучал древний город.

Дверей в городе было бесконечное множество, и мало какие были открыты. Я спрашивал души о них, но многие и вовсе их не видели. Тогда я пошёл к ангелам, но и они остались глухи к моим вопросам, пока не наткнулся на ангела по имени Арок.

— Я давненько наблюдаю за тобой, ты необычный. Что ты ищешь в серебряном городе?
— спросил он.

— Ключи. — Меня не удивило, что он наблюдает за мной. Это было более нормально, чем всё, что происходило здесь.

— Их нельзя дать, только взять. — Мне нравилась прямота и простота, с которой мы начали общаться; в этом была легкость, впервые за долгое время.

— Где? — Я не надеялся услышать ответа от Арока.

— За той дверью, черной как уголь, с той, с которой смола стекает, если подойти ближе. Та, что пылает, когда прикоснешься. — Он был серьезен; думаю, это же можно было сказать и обо мне.

— Спасибо. — Я кивнул, поблагодарил его и уже собирался уходить, как он окликнул меня.

— Постой! Ты сотни раз был у неё, но так и не открыл! — Он был прав.

— Я знаю, что там, и не желаю быть за ней, — лишь быстро сказал я.

— Но теперь выхода нет... — Арок осекся, но всё уже было сказано.

— Он есть, — с натянутой улыбкой произнёс я.

— Ты мудр. — Он протянул мне руку, и я пожал её. — Увидимся, Эйрил.

Вот и она, просмоленная; осталось докоснуться, и пожар поглотит меня. Чтобы куда-то прийти, мне вечно приходилось лезть через огонь. В той жизни всё тоже давалось с таким трудом и нечеловеческим усилием. Можно ли это списать на неудачу или сам я был запущен и лишь рвался из болота, которое тянуло обратно, обещая какой-то покой? Ты только смиришься. Вот и сейчас в этом городе то же самое. Всё здесь без движения; в этом нет жизни. А я, сколько помню себя, призрачил это. Да что уж там, я раскачивал свою лодку. И если надо — нет, не правильно, мне это нужно, и раз так, я вхожу и потревожу всё то, что хочу оставить в покое.

Сцена 3. Арок

Я в какой-то мере стал изгоем в райской куще и не встречал таких же бунтарских молодых душ, как сам. Но я знал, что они есть; я — тому доказательство. Лишь ангел Арок составлял мне компанию, но часто его не было. Я сам так увяз в познании, что, без ощущения времени, но с памятью, уходил в эти двери с головой. В этом сферическом мире, где все всё забывали, я воскресил в своей памяти целую жизнь до мельчайшего мгновения. Какой путь я прошёл, и тут память работала так же, как и на Земле. От этого мне стало ещё противнее видеть тех, кто просто существует здесь.

— Они же прожигают души, — возмутился я.

— Это их выбор, — спокойно произнёс Арок.

— И, по-твоему, они достойны такого царства небесного? — спросил я.

— Твоё царство здесь и здесь, — он показал на голову и сердце. — Тебе тяжело идти через этот бурелом, но иное тебе не по душе.

— Тяжело, что я всю свою жизнь один; это меня угнетает больше всего на свете. — Печаль окутывала меня, я ею дышал.

— Знаю. — Я взглянул на него. — Я не всегда был ангелом; когда-то давно я тоже был такой же юной душой, как ты сейчас.

— Твоё движение угасло, — я старался произнести это по-дружески.

— Ты прав; в один миг во мне что-то перегорело, и заставляя себя уже не смог. — Я понимал его чувство, эту утрату, давным-давно.

— Больше нам ничего не остаётся. — Мы угнетаем и подбадриваем себя, произнося слова, которые хочется сказать и услышать. Надо чем-то заполнять пустоту...

— Только если желаешь идти, — после паузы он продолжил. — Для меня это были окна. Я отворял их, и мне открывались тайны; за некоторыми из них были древние, и они давали знания.

— Они редки; я встретил только двух, — поделился я своими поисками. А что я ищу...?

— Чтобы встать на службу в небесное воинство, тебе нужно отыскать Калона; его дверь подпирает пика. — Мы ещё какое-то время сидели молча, только иногда я слышал, как он тяжело вздыхал, глядя в даль без горизонта.

— Я отыщу его, — произнёс я, когда собрался уходить. Арок ничего не ответил, лишь издал «Хм». Я оставил его в одиночестве, наблюдающим за сводом облаков.

Сцена 4. Калон

Калон был древним и выглядел как дряхлый старец. Он опирался локтями на стол и даже не посмотрел на меня, когда я появился на его пороге.

— Чем дальше, тем всё меньше душ у меня в гостях, — произнёс он, смотря на лист пергамента. Его обитель была обложена различными книгами, бумагами и свитками. Если бы только ветер имел права заглянуть сюда...

— Это не удивительно, — резко сказал я, и он перевел взгляд на меня.

— Знаешь, в топке под нами те же проблемы: мы медленно уходим в забвение, — с каким-то равнодушным сожалением произнёс Калон.

— Что это значит? — Я подошёл к его столу и смотрел на него сверху вниз, но его это не смутило.

— Душам с Земли больше некуда будет идти; это будет их конец, — он производил впечатление того, кто не доволен текущим состоянием дел, но ничего не делает.

— Найдутся те, кто не сдастся даже после вашего фиаско, — сказал я, и Калон улыбнулся, отводя глаза.

— Думал ли ты, что таков рай? — спросил он.

— Его описывали у нас как довольно ленивое место, — сразу ответил я.

— Очень верно подмечено: рай стал разлагать души, раньше всё было иначе, — он пристал, опираясь рукой на стол.

— А что же Всевышний? — хотел узнать я после паузы.

— Тебе же знакомо: такое, как увлечение, наскучило, и ты переходишь к новому, — он с сожалением выдохнул. — Но ты тут не за этим.

— Думаю, у вас задают только один вопрос, — по его выражению я был прав.

— Ты нравишься мне, и поэтому ты принят в ряды ангелов, — без тени фальши произнёс Калон.

— В чем подвох? — поинтересовался я; он всегда есть.

— Ни в чем; когда покинешь меня, ты в войске Господнем, — я удивлённо взглянул на него с подозрением. — Слишком просто?

— В этом и есть подвох. — Мы украсили друг друга понимающими улыбками.

— Молодец. Будет весьма трудно, поверь мне, — Калон сглотнул и продолжил. — Угольный город и серебряный в вечном противостоянии, но сейчас открытой войны нет. И мы, и они лишь оскверняем святость друг друга. Толпы фанатиков мечтают развязать войну, а я здесь один, пытаюсь сохранить мир, как умею.

— Что от меня требуется? — он снова сел за свой стол, как будто стоять ему было нестерпимо тяжело.

— Быть хорошим ангелом, мой друг, — наверно, он произносил это наставление несчётное число раз, но это было то, что нужно знать, ни больше, ни меньше.

— Это мне по душе, — сказал я одобрительно.

— И ещё одно, Эйрил: клинки, как демонов, так и ангелов, убивают только твою оболочку. Пробудившись в зале воскрешения, у тебя будет новая. — Калон убрал в стол лист и взял новый, но не стал читать, а устремил взгляд на меня.

— Но победы тогда просто не существует... — мне не понравилось то, что я узнал, и он знал это.

— Как мы воюем, в этом нет смысла, да? — лицо древнего напряглось. — Охраняй серебряный город; если демоны ворвутся на улицы, то обычные души перед ними беззащитны, и их ждёт гибель. Защищай жителей и держи границы на замке.

— Как можно убить душу демона? — он видел мой пыл; его дряхлое тело не показывало этого, только глаза заражались тем же порывом, что и у меня.

— Опасайся клинка архидемона на поле боя; если он пронзит тебя... — он замолк.

— Я понял, — сказал я.

— Что ты понял? — проверяющим тоном спросил древний.

— Надо защищать тех, кто не может за себя постоять, — без замедления ответил я, и он кивнул.

— Очень хорошо. Ступай в эту дверь, — Калон указал на дверь, которую я не заметил, когда вошёл. Она словно была сделана из книжных корешков. — За ней казарма; там тебе всё покажут, всему обучат.

Сцена 5. Кали

Прошло время познания; теперь я был готов, так сказали они и Калон, перед которым я сейчас стоял. Мне не терпелось отправиться на границу; эта размеренность была не по мне. Тогда я ещё не знал, что меня ждёт.

— Не теряй головы, Эйрил, — сказал Калон. Я же, по сути, ждал отмашки. — Осталось последнее.

— Мой напарник в этой вечности, — продолжил я за него и был спокоен.

— И во всех последующих, — добавил древний. За моей спиной открылась дверь, и я услышал приближающиеся шаги. — А вот и она...

Калон был крайне доволен; можно даже было допустить, что он впервые в жизни был счастлив. Я обернулся, и это была она. Она здесь, стояла рядом со мной; улыбка, глаза, фигурка. Я невольно схватился за стол древнего, чтобы устоять.

— Привет, Эйрил, — сказала она. Я не знал, что со всем этим делать...

— Кали, — ответил я, отвёл глаза на пол, думая, что этого не может быть. Затем снова взглянул — она стояла там же. Кажется, я непроизвольно произнёс ещё раз её имя.

— Смотри, как он залился краской, будто человек! Мне впору встать и поддержать его, а то колени его стали слабее моих, — она засмеялась. И всё, что я смог сделать, это отцепиться от стола и молча направиться к выходу.

— Вот так всё бросишь, ничтожество? — с иронией произнесла она.

Я обернулся: старик не смотрел на меня, а лишь улыбался ей. Её лица я не видел и не хотел. Слишком много в нём было написано для меня. В два больших шага подошёл и склонился над стариком.

— Наедине, — резко сказал я. Он кивнул.

— Прошу извинить нас, дорогая, — заявил он. Она вышла, и древний стал суровее тучи. — За одну такую выходку ангелы теряли свои крылья.

— Почему она? Это шутка какая-то, Калон? — меня взяло в озноб.

— А в тебе совсем нет страха сейчас; он весь в ней! — Он бегал глазами по моему лицу и диву давался.

— Я не буду её напарником; пусть это будет любой ангел, да хоть один, но не она, — громко ударил я по столу, и бумаги разлетелись.

— Я принял решение, и изменить его ты можешь только убив меня, — он ехидно смотрел на меня. — Серьёзно? Ты и правда думаешь об этом? Считаешь, это будет легче, чем подчиниться?

— Я пас, забирай крылья; ничто не стоит так дорого. — Я уже всё решил, ведь речь шла о ней.

— Риан говорил, что ты так глубоко закопал память о ней, что и он с трудом её увидел, — Калон испытующе смотрел на меня.

— Не без основания. — От его взглядов мне хотелось провалиться; мир слишком сильно сомкнулся на ней.

— Ступай, подумай; здесь душно, и нет простора для мыслей. — Он посмотрел на беспорядок на своём столе, а я ушёл.

Сцена 6. Трагедия Арока

— У тебя уже появился напарник? — спросил Арок под солнечным небосводом.

— Лучше бы и не появлялся, — ответил я.

— Неужели она так дурна собой? — в напарниках всегда разный пол, это правило как на небесах, так и в преисподней.

— Не в этом дело; я знаю её ещё с Земли... — после того как я увидел её, всё пробудилось, то, что я так глубоко закопал.

— Ты на себя не похож; что там было? — было, было, было; я только и думаю об этом.

— И не спрашивай. — Какое-то время мы молчали, а потом я произнёс. — Я думал, что больше её не увижу; мне больно её видеть и...

— Понимаю, — не сразу ответил Арок.

— Правда? — это был риторический вопрос, но он ответил.

— Так невыносимо, потому что было всё так отлично, а потом... и ты не в силах был; просто уже не осталось сил...

— Тебя тоже кто-то окрылил, а потом низвергла... — а может, это мы низвергли их, подумал про себя я.

— И тоже напарница, только я не знал её раньше, в отличие от тебя, — он не смотрел больше вперед. Светило уже стремилось в закат, и его голос стал преисполнен горечи.

— Не говори, если не хочешь. — Я не хотел его терзать, и во мне не было сил поддержать друга.

— Мне хочется рассказать. — Он замолчал, закрыл глаза и начал. — Это и сейчас стоит передо мной, как на мох глазах: её казнят архидемон Залан, а меня держат его демоны, а потом убивают мою оболочку.

— Мне очень жаль... — проронил я, положив ему руку на плечо.

— Когда нас схватили, и он подошёл к ней, я молил забрать меня, а она безотрывно смотрела на меня, говоря, как любит меня. Эйрил, она знала, что вот сейчас ещё миг, и он решит; его меч опустится на неё... — он глотнул и не продолжил.

— Это погасило твою искру, и теперь ты ищешь смерти, жаждешь её. — Я видел это в нём, но не знал до сегодняшнего дня, что именно рвёт его изнутри.

— Сколько раз я пытался, но никто не приносит мне покоя; я даже просил архангела сразить меня, но в ответ получил только презрение. — Арок сокрушался, а я молчал. — Так что не глупи; она здесь жива...

— Я не в состоянии быть рядом с ней, мне это не под силу, — на одном дыхании сказал я.

— Боишься навредить... — проронил Арок.

— Я боюсь всего, что связано с ней. — Это правда: я боюсь снова быть с ней рядом, и дело не в вечности, но я рад, что с ней всё хорошо.

— Страх тебе не союзник в этом деле, как и бегство, — сказал он, а я лишь думал, что мы оба бежим.

— Мы можем только выслушать друг друга, но не помочь, — произнёс я; мне не хотелось больше говорить об этом.

— К сожалению, это так. У каждого свой рай и ад, и порой в одном есть другое. — Необъятная даль раскрасилась в уходящую зарю, и мы ещё долго сидели там молча, думая обо всём и ни о чём одновременно.

Сцена 7. Открывающая дверь

— Свежий воздух, — сказал Калон, но тут его уже давно нет; больше некому проветрить это место. Былое величие города небес, его пики и брусчатые улочки, великолепие садов... но так пусто, всё давно увяло. Я брожу здесь, и нет мне покоя на душе. Вот дверь, ещё одна. На ней в верхнем правом углу вырезан листок, но он не цел; оборван. Вся дверь зелёного цвета, а лист, словно, утратил его. Я смотрел и не видел ничего перед собой; мои мысли подались в бездну. Но их вернул её голос.

— Её можно открыть только вдвоём, — Кали стояла рядом со мной по правое плечо, а потом обернулась и с улыбкой сказала: — Привет.

— Кали, зачем всё это? — мы уже стояли друг напротив друга, так близко, что я ощущал её дыхание. — Ты забыла, что между нами было? Нет, я не верю; ты всё помнишь!

— Да, помню. — Она глубоко дышала; улыбка соскользнула с её лица и не возвращалась. — Почему ты не вернулся?

— Ты знаешь... — я лишь развёл руками.

— Что толку мне от этого? Ты не должен меня оставлять... — она была такой же, как я её запомнил. — Ты любил меня!

— Люблю. — Кали была ошеломлена и застыла, словно статуя. — Не думал, что ещё когда-то увижу тебя, и что это будет ещё более невыносимо, чем уйти навек.

— И снова заставил пролить слёзы. — Она достала платок и отвернулась. — Эйрил...

— Да? — её лицо снова светилось. Как же мне этого не хватало.

— Помоги открыть нашу дверь. — Кали уже схватилась за входную ручку и протянула мне свою. — Смелее.

— Нашу? — сказал я, и, дав ей руку, дверь распахнулась. — Здесь всё чужое.

— Не в этот раз, Эйрил. — Её голос был уверен, и мне хотелось ей верить. — Ты сам всё увидишь.

— Кали... — вот мы и за дверью с лепестком, туда, куда не попасть одному. Она была рядом; я держал её за руку, как когда-то, и мы гуляли...

За дверью, которую подпирала пика, я согласился. Теперь я был в воинстве, тогда я ещё не задумывался, что это самый большой тупик в моей жизни. Удачи — это всё, что пожелал мне Калон, а ведь правда, её отсутствие я остро ощущал.

Сцена 8. Первый бой

Первый бой состоялся, и не так, как ожидалось. Всё всегда иначе; такова реальность нашего бытия. У меня отсутствовало настроение как таковое, слишком многого стоило оказаться здесь, в этой казарме. Мы словно летчики Второй мировой на инструктаже перед вылетом. Кали пару раз толкнула меня в плечо в надежде взбодрить, но это у неё не получилось. Дали отмашку, и я сорвался с места. Серебряные пики уже были позади; впервые полетел, разрезая облака, вниз и ещё вниз. Вошёл в облако; взмах меча — движение моего удара преградил чёрный клинок. Облако начало медленно рассеиваться от столкновения лезвий и открыло лицо демона. Такая же оболочка, как и у меня, только облачённая в чёрные цвета. В его лице совсем не ощущалось злобы; оно выражало, как мне показалось, спокойствие. Позже я узнал, что это всё из-за рутины противостояния. Облако уже не окружало нас, а мы оба зависли в воздухе со скрещёнными клинками. Внизу дымил угольный город, поглощая весь свет и утягивая его в себя, а над головой город небес отражал лучи во все стороны света и тонул в пушистых облаках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.